

Не только природные ресурсы: экстрактивизм как обобщающая концепция

Никита Панфилов

Студент, кафедра социально-экономической географии зарубежных стран МГУ им. М. В. Ломоносова

Адрес: Ленинские горы, 1, Москва, 119991 Российская Федерация

E-mail: panfnik@yandex.ru

Руслан Дохов

Старший преподаватель, факультет географии и геоинформационных технологий

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

младший научный сотрудник, кафедра социально-экономической географии зарубежных стран

МГУ им. М. В. Ломоносова

Адрес: Покровский бульвар, 11, Москва, 109028 Российская Федерация

E-mail: rdokhov@hse.ru

Интенсификация воздействия человека на среду, прогрессирующее глобальное неравенство и обостряющееся противостояние ресурсной логике восприятия природы привели к оформлению в начале XXI века дискурса об экстрактивизме — особой форме общественных отношений, приводящей к превращению развития в эксплуатацию ресурса с отчуждением локальных акторов (сообществ, людей, компаний и даже государств) от производящейся прибыли, вывозимой с территории, где этот ресурс находится. Концепция экстрактивизма распространилась за пределы изначальной тематики (от природных к ресурсам человеческого таланта, данных, зеленого регулирования и мн. др.) и подверглась обильной и разнообразной рефлексии использовавших ее представителей разных дисциплин. Описанные на латиноамериканском материале практики были обнаружены в других частях света, в том числе в скрытых, мимикрирующих под экологически и социально ответственное развитие формах. Расширенная концепция экстрактивизма претендует на роль еще одного большого обобщающего множества процессов понятия, сводящего постмодерное развитие к обновляющему и цементирующему существующие социальные расколы производству ресурсных периферий не только на бывших колониальных окраинах, но и в староосвоенных ядрах стран развитого капитализма. Воображаемая пустота новых ресурсных хинтерландов стала новым механизмом исключения растущих уязвимых групп из распределения прибыли, производящейся в глобальных цепочках добавленной стоимости.

Ключевые слова: экстрактивизм, зависимость, полимасштабность, постколониализм, ресурсы, материальность

Обострившиеся в последние десятилетия глобальные проблемы, вызванные в том числе воздействием человека на окружающую среду, и ресурсная логика восприятия природы и общества привели к зарождению дискурса об экстрактивизме. В настоящей статье мы проследим преобразования этого понятия, вышедшего в современных социальных науках далеко за пределы изначальной природно-ресурсной тематики. Эти изменения сопровождались исследовательской рефлексией авторов, осмыслявших экстрактивизм в различных контекстах собственных дисциплинарных и региональных оптик. Расширение области применения оптики

рассмотрения процессов как экстрактивистских привело к переоценке не только содержания, но и политических коннотаций понятия.

Для понимания основания этих расхождений и логики их формирования мы обращаемся не столько к анализу типов экстрактивируемых ресурсов (или чего угодно, что экстрактивизм позволяет превращать в ресурс), сколько к разномасштабным пространственным последствиям укоренения такого типа общественных отношений.

«Старый» экстрактивизм был осмыслен в контексте переродившихся во второй половине XX в. практик эксплуатации одними регионами других (нео-, внутренне- или постколониальных) через отчуждение добываемых в них природных ресурсов. Изменившийся характер экономики повлек за собой сдвиг от материального производства к нематериальному, основанному на человеческом таланте, образах и данных. В постиндустриальной экономике многие социальные процессы и феномены, прежде выходявшие за рамки экономической детерминированности, стали в большей степени преобразовываться в механизмы извлечения прибыли. Такие новые практики производства, связанные с нарастанием пространственной поляризации по всем показателям (безопасности, доходов, уровня доступных услуг, загрязнения, продолжительности и качества жизни и мн. др.), привели к расширению понимания экстрактивизма. Это позволило рассмотреть, как рядоположенные старые практики извлечения природных ресурсов и связанные с ними конфликты, так и относительно новые практики отчуждения результатов социальных процессов. Следствием этого нового понимания стало расширение диапазона пространственных масштабов явлений, анализируемых как экстрактивистские: от макромасштаба трансконтинентальных потоков материальных ресурсов к внутристрановым межрегиональным потокам, внутриагломерационным перемещениям водных и креативных «ресурсов», и даже виртуальным потокам данных.

Исследования традиционного экстрактивизма

Термин «экстрактивизм» стал употребляться не позднее 1970-х годов для описания развития горно- и нефтедобывающей промышленности (Gudynas, 2018). В нулевые годы он набирает популярность в связи с дискуссиями о новой модели развития в латиноамериканских странах, в которой рост благосостояния достигался за счет эксплуатации природных ресурсов. Современный интерес к экстрактивизму у ученых за пределами Латинской Америки начался во многом благодаря публикациям уругвайского эколога Эдуардо Гудинаса (Gudynas, 2018).

Гудинас определял экстрактивизм как практику присвоения природных ресурсов, в которой они отчуждаются в основном в экспортном направлении, в больших объемах или с высокой интенсивностью. Он отмечал, что экстрактивизм имеет как эффекты локального характера (разрушение экосистем, вытеснение из ареалов традиционного расселения и исключение из процессов распределения прибыли местного населения), так и эффекты перелива, влияющие на всю эко-

номику страны (например, институциональные изменения, стимулирующие экстрактивное развитие в других местах), которые интенсифицируют такой тип развития (Gudynas, 2018).

Взгляд Гудинаса можно назвать «узким»: экстрактивизм строго ограничивается операциями по извлечению прибыли из отчуждаемых природных ресурсов. При этом жители мест, где ведется извлечение ресурсов, исключены из процесса распределения прибыли или сильно обделены ею (Parks, 2021; Szeman, Wenzel, 2021).

Идея экстрактивизма была воспринята и осмыслена за пределами экономики добычи природных ресурсов (Bruna, 2022; Dunlap, Jakobsen, 2020; Kröger, 2020, 2022; Nygren, Kröger, Gills, 2022). Оптику экстрактивизма применили к совершенно новым областям, от цифровой и интеллектуальной сферы до финансов и глобальной экономики (Mezzadra, Neilson, 2017). Цзинцон Е, Теодор Шанин и Садро Меззадра и соавторы (Ye et al., 2020; Mezzadra, Neilson, 2017) возражали Гудинасу и сформулировали «широкий» взгляд на экстрактивизм. По их мнению, концепция не должна быть сфокусирована на определенном типе ресурсов и может пониматься в гораздо более широком ключе, что позволит выйти на новый уровень обобщений. Экстрактивизм в таком случае не привязывается к какому-либо конкретному месту. Также они отмечали разномасштабность экстрактивистских практик: их ареной может быть и малая деревня Лиуцун в Северо-Восточном Китае (Ye et al., 2020), и «литиевый треугольник» между Боливией, Чили и Аргентиной, где ведется добыча ресурсов для производства батарей на других континентах (Voskoboynik, Andreucci, 2022).

Большинство работ последних лет воспринимает его именно в «широком» понимании как спорный и конфликтный акт или явление, свойственное неолиберализму в понимании Д. Харви (Harvey, 2005; Kröger, 2022). Однако истоки современных экстрактивистских практик ученые обнаруживают во времена начала европейского колониализма около 500 лет назад и даже раньше — в экологически деструктивном антропоцентричном присвоении природных ресурсов, направленном на создание империй (Durante, Kröger, LeFleur, 2021).

Современные экстрактивные практики связаны не только с неокOLONIALНЫМ извлечением прибыли из стран Глобального Юга. В период неолиберального дерегулирования они переключились на внутреннюю колонизацию неосвоенных ресурсов развитых стран (Gómez-Barris, 2017; Parks, 2021; Ye et al., 2020; Dunlap, Riquito 2023; Marmol, Vacarro, 2020). Взаимосвязь экстрактивных практик и левого ресурсного национализма¹ (Laing, 2020; Myadar, Jackson, 2018) получила название «неоэкстрактивизм» — нарастающее извлечение ресурсов, сопутствующее политике прогрессивизма в латиноамериканских странах (Gudynas, 2018). Относительно низкие цены на сырьевые товары в 2014 году вовлекли такие модели развития в кризис, что привело к дебатам о *постэкстрактивизме* как альтернативе, смягчающей влияние экстрактивистских практик на местное население (Brand, Boos, Brad, 2017; Svampa, 2019; Veltmeyer, Zayago Lao, 2020).

1. Политика распределения ресурсов страны и присвоения их государством, а не частными лицами, один из элементов конструирования нации (Koch, Perreault, 2018).

В Университете Хельсинки возникла инициатива по глобальному экстрактивизму и альтернативам (аббр. EXALT) — исследовательская программа, изучающая политико-экологические и политико-экономические аспекты глобальных экстрактивных отраслей, а также связанные с ними социоэкологические кризисы, и предоставляющая критический анализ и альтернативы для управления такими глобальными проблемами. Ученые из этой рабочей группы, учитывая разнообразие трактовок и применений концепции, предложили считать экстрактивизм синтезирующей совокупностью идей (Chagnon et al., 2022), которая позволяет лучше описывать современность, но не становится ее синонимом. Эта обобщающая концепция, по их мнению, должна упорядочивать совокупность знаний так же как, например, «глобализация». Изучение прежде дезагрегированных компонентов идей и их деталей с помощью организующей концепции позволит углубить исследования в данной области знаний (Barrington-Leigh, 2017).

Расширение географии и поиск новых масштабов исследований

Большая часть исследований экстрактивизма происходит из части света, где эта концепция зародилась, — из Латинской Америки. На примере Бразилии показано (Andrade, 2022), как экстрактивизм связан с неолиберальными практиками управления, особенно подчеркивается систематическое снижение доходов государства и общества в интересах владельцев приносящих ренту активов. Конфликты, возникающие вокруг экстрактивных политик, можно проиллюстрировать работой Теи Риофранкос об Эквадоре, где внутри левого правительства произошел раскол на ресурсных националистов, стремившихся национализировать природные богатства, и антиэкстракционистов, призывавших отказаться от добычи ресурсов в пользу альтернативной экономики (Riofrancos, 2020). При сопротивлении добыче нефти в Эквадоре и Перу (Laastad, 2022) пространственные стратегии борьбы с добычей ресурса могут определяться историей колонизации территорий. На примере Боливии, Чили и Аргентины описывается подъем экстрактивизма критического ресурса XXI века — лития, необходимого для производства аккумуляторов (Mejia-munoz, Babidge, 2023; Voskoboynik, Andreucci, 2022; Hernandez, Newell, 2022).

Исследователи чаще рассматривают экстрактивизм в масштабе (и в территориальных рамках) государств, которые могут ограничивать такие практики, что было показано на агроэкстрактивизме (McKay, Alonso-Fradejas, Ezquerro-Canete, 2021). Несмотря на рост крупных мегалополисов и транснациональных корпораций как самостоятельных экономических агентов, на национальные государства по-прежнему возлагается ответственность за экономическое развитие (Andreucci, Radhuber, 2017; Kay, 2022). Субъектность государств проявляется в их влиянии на других акторов посредством регулирования режимов аккумуляции капитала (Merino, 2020). При этом государство может выступать как непосредственный организатор экстрактивистской деятельности (Gudynas, 2018; Gustafsson, Scurrah,

2019) или играть ведущую роль в становлении экстрактивизма на своей территории (Brand, Görg, Wissen, 2020; Ehrnström-Fuentes, Kröger, 2018; Ollinaho, Kröger, 2021).

Модели развития, основанные на извлечении ресурсов, встречаются не только в Латинской Америке. Так, развитие стран БРИКС во многом основывается на эксплуатации богатых недр стран (Ye et al., 2020). Другой пример — Гана, правительство которой с 1980-х годов продвигает крупномасштабную добычу полезных ископаемых транснациональными корпорациями. Исследователи оценивают перспективы данной модели развития как мрачные (Ayelazuan, 2014).

Экстрактивистские практики встречаются и в европейских странах (Marmol, Vacarro, 2020). На примере общины Баррозо в Португалии показано (Dunlap, Riquito, 2023) объединение усилий компаний и правительства в попытках умиротворить сельское население, чтобы добиться одобрения крупномасштабного добывающего проекта. Часто «устойчивая» экономика может быть лишь ширмой: так, лесная биоэкономика Финляндии на самом деле содержит в себе экстрактивистские неустойчивые паттерны (Holz, 2023).

Экстрактивизм изучается и на уровне отдельных городов (Streule, 2022), чаще на примере других типов природных ресурсов и в связи с окружающими их регионами (Dong et al., 2022). Множество работ по анализу кейсов экстрактивизма в американских городах фокусируется на извлечении воды и управлении водными ресурсами в Южной Калифорнии (Cantor, 2021), Техасе (г. Остин) (Breyer, Zipper, Qiu 2018), Неваде (г. Лас-Вегас) (Luke, 2019) — в них поднимаются проблемы возникновения «ресурсных хинтерландов»² и пространственного неравенства из-за неустойчивого городского метаболизма.

Применение новых методов и изучение нестандартных типов ресурсов

Экстрактивизм организует особый тип пространства, политические структуры и социальные отношения (Chagnon et al., 2022). Для анализа этого процесса используется концепция сырьевого (Moore, 2015; Teran Mantovani, 2016) или экстрактивистского фронта (Frederiksen, Himley, 2020). Фронтиры продолжают расширять экстрактивные ареалы в разных измерениях (Bennett, 2016), а ученые изучают различия между сырьевыми и ресурсными фронтами (Kröger, Nygren, 2020), возникновение новых фронтиров ресурсов и прибыли (Barney, 2009; Eilenberg, 2014; Kelly, Peluso, 2015; Tsing, 2003) и применение социотехнологических инноваций для продления существования фронта (Verbrugge, Geenen, 2019).

Помимо традиционных для исследований экстрактивизма отраслей — крупномасштабной добычи нефти и угля, сельскохозяйственных плантаций — есть опыты изучения и менее заметных, но крупных по объемам ресурсных фронтиров, например добычи песка (Bisht, 2021). Так, на примере Колумбии показаны отноше-

2. Территории, включенные в потоки ресурсов, характеризующиеся суммарными потерями в балансе ресурсов (Cantor, 2021).

ния между агентами экстрактивизма песка разных масштабов: частные старатели вытесняются крупными корпорациями (Hougaard, Velez-Torres, 2020), а хозяйства мелкомасштабных старателей в Перу демонстрируют бесконфликтное сосуществование с местными жителями, в отличие от деятельности крупных компаний (Malone, Smith, Zeballos Zeballos, 2021).

Экстрактивизм в широком понимании может иметь место не только при извлечении природных ресурсов. Цзинцон Е, Теодор Шанин и соавторы описывают (Ye et al., 2020) экстрактивизм в отношении ресурсов, накопленных прошлыми поколениями, в том числе человеческих (использование городами трудовых ресурсов деревень в Китае, аутсорсинг специалистов в Индии).

Скрытая экстрактивная логика добычи прослеживается во многих отраслях. В работе Адрины Джонсон и соавторов (Johnson et al., 2020) речь идет об экстрактивной логике в таких сферах, как туризм и рыбная ловля. Сара Кнут (Knuth, 2016) показывает, как «зеленые» технологии строительства в Сан-Франциско оказываются экстрактивными фронтами, поскольку переопределяют городские пространства и здания как новые экономические ресурсы, фокусируясь на финансовой выгоде от экологического «озеленения». Кэтрин Фурлонг обращает внимание на «зеленую дымовую завесу» серверных технологий, которые кажутся ресурсосберегающими, а на деле потребляют много энергии (Furlong, 2021). Логика сбора данных (англ. *data mining*) также основана на экстрактивизме, как принципе добычи полезных ископаемых и ведения сельского хозяйства, логистические услуги также можно назвать экстрактивными (Mezzadra, Neilson, 2017; Tironi Rodo, Valderrama Barragan, 2023).

Их идеи разделяет колумнист Евгений Морозов, который ввел понятие «экстрактивизм данных» (Morozov, 2017; цит. по: Chagnon et al., 2022) как составная часть более широкого процесса колонизации данных (Couldry, Ali Me, 2019) и как самостоятельная концепция (McNeill, 2015; Moore, 2020; Ricaurte, 2019; Sadowski, 2019, 2020). Требор Шольц (Sholz, 2016) указывает на внедрение экстрактивных процессов в социальное взаимодействие в городе «строителями цифровых мостов»: это компании вроде Uber, которые встраиваются между теми, кто предлагает услуги, и теми, кто их ищет. Исследователи хельсинкской группы EXALT называют цифровым экстрактивизм, построенный на современных телекоммуникационных и электронных технологиях (Chagnon et al., 2022).

Изменения климата и связанные с реакцией на них политические меры, направленные на уменьшение выбросов и влияния человека на окружающую среду, стали недобросовестно использоваться для аккумуляции богатства и отчуждения прав на выбросы у местного населения в пользу крупных экстрактивных акторов. Такое явление получило название «зеленый экстрактивизм» (Bruna, 2022, 2023; Torpe, 2022). Экстрактивизм проявляется и в моделях циклической углеродной экономики: так, использование углеродных квот в Северной Каролине привело к тому, что сэкономленная домохозяйствами энергия становится ресурсом для извлечения прибыли электрическими компаниями, а не достается сократившим потреб-

ление жителям (Thoyre, 2021). Аналогичным образом экстрактивизм в энергетической отрасли рассматривается на примерах крупных data-центров в Ирландии (Bresnihan, Broodie, 2021) и майнинга биткойна на реке Колумбия в американском штате Вашингтон (Lally, Kay, Thatcher, 2022), использующих дешевую энергию для производства добавленной стоимости в интересах глобального рынка, а не местных или региональных акторов.

Дискуссии вокруг экстрактивизма

С 2017 года наблюдается бум исследований экстрактивизма, выпускаются тематические спецномера научных журналов (напр.: Culture Studies — 2017, The Journal of Peasant Studies — 2022, OpenEdition — 2023, Geoforum — 2024). Экстрактивизм понимается исследователями по-разному, но все фокусируются на использовании природных и, реже, человеческих ресурсов для получения прибыли.

«Узкое» представление об экстрактивизме как о совокупности практик крупномасштабного извлечения и отчуждения природных ресурсов в основном замечено более «широким» взглядом на проблему присвоения ресурсов в неолиберальных экономических моделях. Однако споры о конкретном всеобъемлющем определении продолжаются.

Цзинцон Е, Теодор Шанин и их коллеги (Ye et al., 2020) понимают экстрактивизм не как определенный *тип* ресурсов, а как контроль и «*выкачивание ресурсов*». Они указывают на общую трехуровневую архитектуру экстрактивистских систем:

- 1) уровень социоматериальной инфраструктуры, включающий сами эксплуатируемые ресурсы;
- 2) уровень потоков, существующий благодаря конкретным инфраструктурным элементам;
- 3) операционный центр, который осуществляет контроль, присваивает ценности и активно участвует в получении новых и отбрасывании исчерпанных ресурсов.

Некоторые ученые (Fash, 2022) призывают при определении экстрактивизма уйти от «экстрактоцентризма», важности экспорта продукции, и уделять большее внимание качественному анализу логики колониализма и конкретным насильственным действиям. Схожую мысль высказывают исследователи влияния экстрактивизма на сообщества в Панаме и Центральной Африке (Murrey, Mollett, 2023): они призывают не метафоризировать извлечение ресурсов, а уделять внимание конкретным проявлениям насилия и «экстрактивной логике». Эти проявления рассматриваются как не подвергающиеся сомнению рамочные условия, допускающие существование отношений изъятия, разрушения и дегуманизции.

Имре Зиман, канадский теоретик культурных исследований, и специалист по постколониальной теории Дженнифер Вензель (Szeman, Wenzel, 2021) подчеркивают важность разграничения действий по «извлечению» ресурсов и политики, логики и идеологии «экстрактивизма». Авторы ссылаются на работу Уильяма Кронона (Cronon, 1995), посвященную критике американской концепции «дикой

местности» (англ. *wilderness*), когда под дикостью подразумевается не неизменное природное состояние, а значительное различие в воспринимаемой культурной ценности территории, что приводит к формированию искусственного разделения человека и природы. Следуя мысли Кронона, исследователи определяют экстрактивизм как такие рамки операций с природным, когда в экономическую деятельность не просто включают нечеловеческое, но отношения с нечеловеческим толкуют в первую очередь или даже исключительно в экономических терминах (Szeman, Wenzel, 2021). Экстарктивизм обладает тем же свойством «ускользать от радаров» (Parks, 2021), которое описано Робом Никсоном (Nixon, 2011) как «медленное насилие»: постепенное, изнуряющее и незаметное.

Эдуардо Гудинас (Gudynas, 2018) предлагал определять экстрактивные практики, основываясь на двух измерениях: направлении перемещения ресурсов (более 50% идет на экспорт) и больших объемах или высокой интенсивности добычи. Группа EXALT сформулировала более детализированные параметры для обозначения экстрактивности практики: степень экспортной ориентации и переработки; масштабы, объем и скорость добычи; социально-экономические и экологические последствия; субъективизирующее отношение к природе (Holz, 2023). Важным направлением в будущих исследованиях представляется выработка такого способа критического анализа экстрактивистского притеснения людей и экосистем, который будет способствовать преобразованию отношений угнетения в более равноправные (Johnson et al., 2020).

(По)следствия экстрактивизма

Последствия экстрактивных отношений выходят далеко за пределы как собственно экономики, так и конкретных территорий, откуда извлекается нечто, превращенное в ресурс. Оптика экстрактивизма позволяет увидеть механизмы кросс-масштабных социально-политических трансформаций, затрагивающих как конкретные сообщества, так и общественно-политическое устройство регионов и стран, механизмы формирования и динамики глобальных экономических потоков и политических объединений.

К примеру, роль неоекстрактивизма неоднозначна как в успехах, так и неудачах «розового прилива» — политического поворота в сторону левых правительств в Латинской Америке в начале XXI века (Andrade, 2022). Изучение экстрактивизма позволяет лучше понимать, как воспроизводятся практики расизма и притеснения темнокожих в Бразилии и США (Bledsoe, 2019; Donoghoe, 2022). Экстрактивизм приводит к формированию правовых и институциональных рамок, усугубляющих расовые постколониальные разногласия, и делает более жесткими иерархические отношения между территориями коренных народов и остальной частью страны (Norona, 2022).

Экстрактивизм как способ организации политико-экономических отношений постоянно захватывает все новые ресурсы и передвигается с колониальных

периферий капиталистических систем в их ядро. Пример этого — «аутсорсинг», зародившийся в том числе в среде итальянской мафии, которая за счет контроля над связями между региональными элитами, банками и подрядчиками выполняла проекты по гораздо более низким ценам, чем прописывалось в контрактах, — фактически за счет аутсорсинга (Ye et al., 2020). В таком понимании концепция экстрактивизма позволяет отразить связи между моделями западного потребления, случаями эксплуатации на окраинах и изменениями в планетарном масштабе (Parks, 2021). Исследования экстрактивизма лития в андских странах показывают, как за ширмой устойчивого развития воспроизводятся экономические отношения зависимости, от которых номинально страны отказываются (Voskobounik, Andreucci, 2022; Hernandez, Nuell, 2022; Mejia-Munoz, Babidge, 2023). Аналогичен пример экономики Чили, где сложившийся вокруг добычи медной руды принцип экстрактивизма воспроизводится в отношении зарождающегося экстрактивизма данных (Tironi Rodo, Valderrama Barragan, 2023).

Экстрактивизм может «ускользнуть от радаров», маскируясь под защиту природы от экстрактивных практик. Так, на канадской территории Нунавут такие отношения процветают при одобрении со стороны коренного населения, которое, несмотря на разрушение их территорий, получает большие деньги от нефтяных компаний (Bernauer, Roth, 2021). В Сальвадоре экстрактивная и антиэкстрактивная политики дополняют и воспроизводят друг друга: запрет добычи руды из-за загрязнения воды привел к росту активности в добыче нерудных ископаемых и «аграрном экстрактивизме» сахарного тростника (Artiga-Purcell, 2022). Рассмотрение ассамбляжей (Деланда, 2018) агроэкстрактивных систем позволяет выяснять, как именно формируется зависимость экономики от экстрактивных практик. Инкорпорируя класс бедняков в экстрактивную систему (делая их доход зависимым от экстрактивных практик), правительство Боливии завоевало популярность, несмотря на усиление эксплуатации и аккумуляции богатства и власти (McKay, 2019). Аналогично экспорт сои в Аргентине приводит к увеличению доходов компаний, что, в свою очередь, стимулирует государственную поддержку экспорта, часть прибыли от которого направляется на социальные программы (Smith, 2023).

Результатом экстрактивизма становится подчиненное положение территории в системе глобального финансового капитала, усугубляющее ее зависимость (Franz, McNely, 2023). Изучение экстрактивизма и политик, обеспечивающих его существование, позволяет размышлять о переходе от ресурсоемких и экологически вредных практик к более устойчивым, справедливым и экологичным путям развития (Nygren, Kroger, Gills, 2022).

Экстрактивизм, онтология территории и воображаемая пустота: заключение

Оптика экстрактивизма дает возможность описывать разнообразные взаимодействия в обществе, а не только экономические отношения человека с нечелове-

ским. Развившись на колониальной периферии, экстрактивизм стал проявляться и в «первом мире», на Глобальном Севере. Сейчас оптика экстрактивизма применяется в основном на страновом уровне, ведь государства по-прежнему ключевые пространственные единицы в мировой экономике. Логика экстрактивизма дает государству новые инструменты контроля над собственной территорией, где оно вырабатывает правила, регулирующие деятельность компаний-экстрактивистов, или само становится главным экстрактивистом.

Экстрактивистские отношения позволяют государству в условиях постмодерна через отделение населения от локализованного звена цепочки добавленной стоимости обновить и усилить иерархизацию пространства (Харви, 2021). В странах переселенческого капитализма (Смирнягин, 2019; Антонова, 1987) это усугубляет подчиненное положение территорий коренных народов по сравнению с остальной («освоенной», глобализированной) частью. В постколониальных странах — обновляет расовые расколы и способы исключения части населения из получения прибыли.

Ключевым механизмом такой пространственной трансформации становится формирование новых экстрактивистских фронтов на тех территориях, где фронтальное развитие (Замятина, 1998; Turner, 1920) давно прекратилось либо никогда не существовало.

Меняется территориальная логика формирования зависимости. Это следствие трансформации пространственной единицы, включаемой в такие отношения: от стран-государств применительно к старому экстрактивизму природных ресурсов к районам внутри стран, конкретным местностям и городам. Механизм, однако, остается прежним: восприятие территорий как пустых, лишенных субъектности и собственных акторов. Это воображение территории как дикой (или одичавшей) позволяет преобразовать устойчивые до того границы ресурсных хинтерландов в подвижные экстрактивистские фронты, раздвигающие ареалы wilderness — воображаемого как пустое пространство. Логика колонизации перемещается с окраин и из заморских владений в новые — внутренние — периферии. Представление о деградации староосвоенных пространств в условиях сжатия подробно изучено на материалах постсоциалистических стран (Каганский, 2015). Экстрактивизм позволяет описать аналогичным образом производство внутренних периферий в странах развитого капитализма.

Размышления о сущности территории весьма активно продолжаются в современной географии (Usher, 2020). Забытые на долгое время классические представления географов о собственной субъектности территории (Ратцель, 1898; Semple, 1911) вновь актуализировались стараниями приверженцев нового материализма (Keighren et al., 2012; Bennett, Joуse, 2010). Не вдаваясь подробно в их характеристику, отметим, что в новой экстрактивистской оптике территория рассматривается не как участок земной поверхности и даже не только как физическая реальность, но как совокупность физического, экономического, стратегического, правового и технического (Elden, 2010). В этом смысле территория — ассамбляж матери-

альной основы (не важно, природной или социально-произведенной), людей и их групп, относительно долго на ней проживающих и адаптирующих свой жизненный уклад к материальным условиям (получающих территориальный аффект), одновременно участвуя в постоянном социальном перепроизводстве этих условий. Вместе с тем субъектность территории не обретается исключительно благодаря или в процессе взаимодействия с людьми. Не-человеческие акторы, связанные материальными и экспрессивными потоками (Деланда, 2018), также обладают собственной субъектностью и могут становиться (и долгое время становились, часто вместе с «диким» населением) объектами экстрактивизации. Таковым может оказаться всякий территориальный феномен, будучи использованным для извлечения прибыли без соучастия в ее распределении. Территория не только собирается в объект посредством инженерной материализации технических приспособлений, позволяющих извлекать и помещать ресурсы. Она может быть и субъектом сопротивления такой вертикальной (как в смысле власти, так и в физическом над-, на- и подземном пространствах) организации (Usher, 2020).

Таким образом, главный пространственный маневр нового экстрактивизма — перенос воображаемой пустой ресурсной периферии с колониальных периферий капиталистических систем в их ядро. На них распространяются ключевые черты экстрактивных отношений: медленное, трансформирующее в ресурс чисто экономическое восприятие территории через изъятие и экспорт прибыли. Часто это распространение происходит за ширмой «зеленых» технологий, ускоряется платформизацией, преобразующей ежедневные потребительские рутины населения в экстрактивируемый ресурс.

(Пере)производство периферийных хинтерландов порождает новую иерархизацию пространства в воображенной пустоте. Экстрактивизм уравнивает ареалы внешней и внутренней колонизации, одинаково сводя всю сложность территории к ресурсному объекту. Изменение базового пространственного носителя со стран на районы (регионы) позволяет обратиться к идее переопределения границы места экстрактивистских практик как локала (Гидденс, 2003) в зависимости от отношений с контекстом (Agnew, 1987, 2011) — глобальной капиталистической системой.

Ареальная логика расширения экстрактивных хинтерландов (Родоман, 1976) предполагает и обратное прочтение: сжатие не-экстрактивных пространств. Что же остается в их ядрах, кто становится все более привилегированным экстрактором? Можно предположить, что это глобальные города, локализирующие штаб-квартиры крупнейших корпораций-агентов экстрактивистских отношений, а также образующих жизненный мир людей, принимающих решения и получающих выгоду от переноса прибыли. Вместе с тем сами жители этих городов становятся объектами дата-экстрактивизма, их потребление также (а может, и в еще большей степени) подвергается платформенной экстрактивизации. Тогда экстрактор вообще детерриториализируется и виртуализируется, прибыль уходит в развитие не-территориальных (и нематериальных) пространств, куда переносится и большая часть конечного потребления.

Экстрактивизм, таким образом, можно понимать как обобщающую концепцию механизмов финансиализирующей объективации территории в эпоху постмодерна, преобразующих любое пространство в периферию через движение фронтиров ресурсных хинтерландов сжимающихся или детерриториализированных экстракторов.

Литература

- Антонова И. Ф.* (1987). Типологические черты экономической географии стран переселенческого капитализма // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 3. С. 47–52.
- Гидденс Э.* (2003). Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект.
- Деланда М.* (2018). Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс.
- Замятина Н. Ю.* (1998). Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. № 5. С. 75–89.
- Каганский В. Л.* (2015). Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 6. С. 23–34.
- Ратцель Ф.* (1898). Политическая география / Изложил Л. Д. Синицкий // Землеведение. Т. 5. № 3–4. С. 21–74.
- Родоман Б. Б.* (1976). Деформация растущих моноцентрических ареалов // Теоретические проблемы географии. Рига: ЛГУ. С. 78–89.
- Смирнягин Л. В.* (2019). Типология зарубежных стран. М.: Типография «Пеликан».
- Харви Д.* (2021). Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М.: ИД ВШЭ.
- Agnew J. A.* (1987). *Place and Politics: The Geographical Mediation of State and Society.* London: Allen and Unwin
- Agnew J. A.* (2011). Space and place // *Handbook of geographical knowledge.* P. 316–331.
- Andrade D.* (2022). Neoliberal extractivism: Brazil in the twenty-first century // *The Journal of Peasant Studies.* Vol. 49. № 4. P. 793–816.
- Andreucci D., Radhuber I. M.* (2017). Limits to “counter-neoliberal” reform: Mining expansion and the marginalisation of post-extractivist forces in Evo Morales’s Bolivia // *Geoforum.* Vol. 84. P. 280–291.
- Artiga-Purcell J. A.* (2022). Hydrosocial extractive territories: Gold, sugarcane and contested water politics in El Salvador // *Geoforum.* Vol. 131. P. 93–104.
- Ayelazuno J. A.* (2014). The ‘new extractivism’ in Ghana: A critical review of its development prospects // *The Extractive Industries and Society.* Vol. 1. № 2. P. 292–302.
- Barney K.* (2009). Laos and the making of a ‘relational’ resource frontier // *Geographical Journal.* Vol. 175. № 2. P. 146–159.

- Barrington-Leigh P.* (2017). The Role of Subjective Well-Being as an Organizing Concept for Community Indicators / eds. M. Holden, R. Phillips, P. Stevens). New York, NY: Springer International Publishing. P. 19–34.
- Bennett M. M.* (2016). Discursive, material, vertical, and extensive dimensions of post-Cold War Arctic resource extraction // *Polar Geography*. Vol. 39. № 4. P. 258–273.
- Bennett T., Joyce P.* (Eds.). (2013). *Material powers: Cultural studies, history and the material turn*. Routledge.
- Bernauer W., Roth R.* (2021). Protected areas and extractive hegemony: A case study of marine protected areas in the Qikiqtani (Baffin Island) region of Nunavut, Canada // *Geoforum*. Vol. 120. P. 208–217.
- Bisht A.* (2021). Conceptualizing sand extractivism: Deconstructing an emerging resource frontier // *The Extractive Industries and Society*. Vol. 8. № 2. P. 100904.
- Bledsoe A.* (2019). Afro-Brazilian Resistance to Extractivism in the Bay of Aratu // *Annals of the American Association of Geographers*. Vol. 109. № 2. P. 492–501.
- Brand U., Boos T., Brad A.* (2017). Degrowth and post-extractivism: two debates with suggestions for the inclusive development framework // *Current Opinion in Environmental Sustainability*. Vol. 24. P. 36–41.
- Brand U., Görg C., Wissen M.* (2020). Overcoming neoliberal globalization: social-ecological transformation from a Polanyian perspective and beyond // *Globalizations*. Vol. 17. № 1. P. 161–176.
- Bresnihan P., Brodie P.* (2021). New extractive frontiers in Ireland and the moebius strip of wind/data // *Environment and Planning E: Nature and Space*. Vol. 4. № 4. P. 1645–1664.
- Breyer B., Zipper S. C., Qiu J.* (2018). Sociohydrological Impacts of Water Conservation under Anthropogenic Drought in Austin, TX (USA) // *Water Resources Research*. Vol. 54. № 4. P. 3062–3080.
- Bruna N.* (2022). A climate-smart world and the rise of Green Extractivism // *The Journal of Peasant Studies*. Vol. 49. № 4. P. 839–864.
- Bruna N.* (2023). *The Rise of Green Extractivism: Extractivism, Rural Livelihoods and Accumulation in a Climate-Smart World*. New York: Routledge.
- Chagnon C. W., Durante F., Gills B. K., Hagolani-Albov S. E., Hokkanen S., Kangasluoma S. M. J., Konttinen H., Kröger M., LaFleur W., Ollinaho O., Vuola M. P. S.* (2022). From extractivism to global extractivism: the evolution of an organizing concept // *The Journal of Peasant Studies*. Vol. 49. № 4. P. 760–792.
- Cantor A.* (2021). Hydrosocial hinterlands: An urban political ecology of Southern California's hydrosocial territory // *Environment and Planning E: Nature and Space*. Vol. 4. № 2. P. 451–474.
- Castells M.* (1999). Grassrooting the space of flows // *Urban Geography*. Vol. 20. № 4. P. 294–302.
- Couldry N., Ali Me U.* (2019). *The Costs of Connection: How Data Is Colonizing Human Life and Appropriating it for Capitalism* // *Culture and Economic Life*. Stanford, CA: Stanford University Press.

- Cronon W.* (1995). *The Trouble with Wilderness; or, Getting Back to the Wrong Nature*. New York: W. W. Norton.
- Dong Z., Shen H., Zhang W., Wu R., Wang S.* (2022). How does resource dependence relate cities' technology diversification? The role of density and complexity // *Cities*. Vol. 130. P. 103883.
- Donoghoe M.* (2023). Intimate extraction: Geological matter, extractive afterlives, and the denial of a Black sense of place in Southern Louisiana // *Area*. Vol. 55. №. 4. P. 465–472.
- Dunlap A., Jakobsen J.* (2020). *The Violent Technologies of Extraction*. Cham: Springer International Publishing.
- Dunlap A., Riquito M.* (2023). Social warfare for lithium extraction? Open-pit lithium mining, counterinsurgency tactics and enforcing green extractivism in northern Portugal // *Energy Research & Social Science*. Vol. 95. P. 102912.
- Durante F., Kröger M., LaFleur W.* (2021). Extraction and extractivisms // *Our extractive age: expressions of violence and resistance* / J. Shapiro, J.-A. McNeish eds. New York, NY: Routledge. P. 19–30.
- Ehrnström-Fuentes M., Kröger M.* (2018). Birthing extractivism: The role of the state in forestry politics and development in Uruguay // *Journal of Rural Studies*. Vol. 57. P. 197–208.
- Eilenberg M.* (2014). Frontier constellations: agrarian expansion and sovereignty on the Indonesian-Malaysian border // *The Journal of Peasant Studies*. Vol. 41. № 2. P. 157–182.
- Elden S.* (2010). Land, terrain, territory // *Progress in Human Geography*. Vol. 34. № 6. P. 799–817.
- Fash B. C.* (2022). Redefining extractivism from Honduras // *Geoforum*. Vol. 135. P. 37–48.
- Franz T., McNelly A.* (2023). The 'Finance-Extraction-Transitions Nexus': Towards A Critical Research Agenda Exploring the Scramble for Transition Minerals // London: SOAS Department of Economics Working Paper Series. № 257.
- Frederiksen T., Himley M.* (2020). Tactics of dispossession: Access, power, and subjectivity at the extractive frontier // *Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 45. № 1. P. 50–64.
- Furlong K.* (2021). Geographies of infrastructure II: Concrete, cloud and layered (in) visibilities // *Progress in Human Geography*. Vol. 45. № 1. P. 190–198.
- Gómez-Barris M.* (2017). *The Extractive Zone: Social Ecologies and Decolonial Perspectives*. Durham, NC: Duke University Press.
- Gudynas E.* (2018). Extractivisms. Tendencies and consequences // *Reframing Latin American Development* / R. Munck, R. Delgado Wise eds. New York, NY: Routledge. P. 61–76.
- Gustafsson M.-T., Scurrah M.* (2019). Unpacking the extractivist state: The role of weak state agencies in promoting institutional change in Peru // *The Extractive Industries and Society*. vol. 6. № 1. P. 206–214.
- Harvey D.* (2005). *The New Imperialism*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Hernandez D. S., Newell P.* (2022). Oro blanco: assembling extractivism in the lithium triangle // *The Journal of Peasant Studies*. Vol. 49. № 5. P. 945–968.

- Holz Y. R. (2023). Threatened sustainability: extractivist tendencies in the forest-based bioeconomy in Finland // *Sustainability Science*. Vol. 18. P. 649–659.
- Hougaard I.-M., Vélez-Torres I. (2020). Shifting sands: Legal dispossession of small-scale miners in an extractivist era // *Geoforum*. Vol. 115. P. 81–89.
- Johnson A., Zalik A., Sharlene M., Sultana F, Havice E., Osborne T., Valdivia G., Lu F, Billo E. (2021). Extraction, entanglements, and (im)materialities: Reflections on the methods and methodologies of natural resource industries fieldwork // *Environment and Planning E: Nature and Space*. Vol. 4. № 2. P. 383–428.
- Kay P. (2022). *Contemporary dynamics of agrarian change* / eds. H. Veltmeyer, P. Bowles. New York, NY: Routledge.
- Keighren I. M., Abrahamsson C., Della Dora V. (2012). On canonical geographies // *Dialogues in Human Geography*. Vol. 2. № 3. P. 296–312.
- Keith M., Birch E., Buchould N. J. A., Cardama M., Cobbett W., Cohen M., Elmquist T., Espey J., Hajer M., Hartmann G. (2022). A new urban narrative for sustainable development // *Nature Sustainability*. Vol. 6. № 2. P. 115–117.
- Kelly A. B., Peluso N. L. (2015). Frontiers of Commodification: State Lands and Their Formalization // *Society & Natural Resources*. Vol. 28. № 5. P. 473–495.
- Knuth S. (2016). Seeing Green in San Francisco: City as Resource Frontier // *Antipode*. Vol. 48. № 3. P. 626–644.
- Koch N., Perreault T. (2019). Resource nationalism // *Progress in Human Geography*. Vol. 43. № 4. P. 611–631.
- Kröger M., Nygren A. (2020). Shifting frontier dynamics in Latin America // *Journal of Agrarian Change*. Vol. 20. № 3. P. 364–386.
- Kröger M. (2020). *Iron Will: Global Extractivism and Mining Resistance in Brazil and India*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Kröger M. (2022). *Extractivisms, existences and extinctions: Monoculture plantations and Amazon deforestation*. London: Routledge.
- Laastad S. G. (2022). Mapping terrains of struggle: State space and the spatiality of oil mobilisation in Ecuador and Peru // *Geoforum*. Vol. 137. P. 12–21.
- Laing A. F. (2020). Re-producing territory: Between resource nationalism and indigenous self-determination in Bolivia // *Geoforum*. Vol. 108. P. 28–38.
- Lally N., Kay K., Thatcher J. (2022). Computational parasites and hydropower: A political ecology of Bitcoin mining on the Columbia River // *Environment and Planning E: Nature and Space*. Vol. 5. № 1. P. 18–38.
- Luke T. W. (2019). Las Vegas as the Anthropocene: The Neoliberal City as Desertification All the Way Down // *The Challenge of Progress: Volume 36* / ed. H. F. Dahms. United Kingdom: Emerald Publishing Limited, pp. 159–178.
- Malone A., Smith N. M., Zeballos E. (2021). Coexistence and conflict between artisanal mining, fishing, and farming in a Peruvian boomtown // *Geoforum*. Vol. 120. P. 142–154.
- Mármol C., Vaccaro I. (2020). New extractivism in European rural areas: How twentieth century mining returned to disturb the rural transition // *Geoforum*. Vol. 116. P. 42–49.

- McKay B. M., Alonso-Fradejas A., Ezquerro-Cañete A. (eds.) (2021). *Agrarian Extractivism in Latin America*. New York, NY: Routledge.
- McKay B. M. (2020). Food sovereignty and neo-extractivism: limits and possibilities of an alternative development model // *Globalizations*. Vol. 17. № 8. P. 1386–1404.
- McNeill D. (2015). Global firms and smart technologies: IBM and the reduction of cities // *Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 40. № 4. P. 562–574.
- McNeill D. (2022). Urban geography II: Materially important cities // *Progress in Human Geography*. Vol. 46. № 5. P. 1261–1268.
- Mejia-Muñoz S., Babidge S. (2023). Lithium extractivism: perpetuating historical asymmetries in the ‘Green economy’ // *Third World Quarterly*. Vol. 44. № 6. P. 1119–1136.
- Merino R. (2020). The cynical state: forging extractivism, neoliberalism and development in governmental spaces // *Third World Quarterly*. vol. 41. № 1. P. 58–76.
- Mezzadra S., Neilson B. (2017). On the multiple frontiers of extraction: excavating contemporary capitalism // *Cultural Studies*. Vol. 31. № 2–3. P. 185–204.
- Moore J. W. (2015). *Capitalism in the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital*. London, UK: Verso.
- Moore S. A. (2020). Individuation through infrastructure: data extraction and the academic publishing oligopoly // *Journal of Documentation*. Vol. 77. № 1. P. 129–141.
- Murrey A., Mollett S. (2023). Extraction is not a metaphor: Decolonial and Black Geographies against the gendered and embodied violence of extractive logics // *Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 48. № 4. P. 761–780.
- Myadar O., Jackson S. (2019). Contradictions of Populism and Resource Extraction: Examining the Intersection of Resource Nationalism and Accumulation by Dispossession in Mongolia // *Annals of the American Association of Geographers*. Vol. 109. № 2. P. 361–370.
- Nixon R. (2011). *Slow Violence and the Environmentalism of the Poor*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Noroña M. B. (2022). Extractive governmentality, ethnic territories, and racial imaginaries in the northern Amazon of Ecuador // *Geoforum*. Vol. 128. P. 46–56.
- Nygren A., Kröger M., Gills B. (2022). Global extractivisms and transformative alternatives // *The Journal of Peasant Studies*. Vol. 49. № 4. P. 734–759.
- Ollinaho O. I., Kröger M. (2021). Agroforestry transitions: The good, the bad and the ugly // *Journal of Rural Studies*. Vol. 82. P. 210–221.
- Parks J. (2021). The poetics of extractivism and the politics of visibility // *Textual Practice*. Vol. 35. № 3. P. 353–362.
- Ricaurte P. (2019). Data Epistemologies, The Coloniality of Power, and Resistance // *Television & New Media*. Vol. 20. № 4. P. 350–365.
- Riofrancos T. (2020). *Resource radicals: from Petro-Nationalism to Post-Extractivisms in Ecuador*. Durham: Duke University Press.
- Sadowski J. (2019). When data is capital: Datafication, accumulation, and extraction // *Big Data & Society*. Vol. 6. № 1. P. 205395171882054.

- Sadowski J.* (2020). The Internet of Landlords: Digital Platforms and New Mechanisms of Rentier Capitalism // *Antipode*. Vol. 52. № 2. P. 562–580.
- Sassen S.* (2001). *The Global City*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Semple E. C.* (1911). *Influences of Geographic Environment, on the Basis of Ratzel's System of Anthropogeography*. New York: Henry Holt.
- Sholz T.* (2016). *Platform cooperativism: challenging the corporate sharing economy*. New York: Rosa Luxemburg Stiftung, New York Office.
- Smith G. M.* (2023). Blighted Futures: The Soybean Assemblage and Argentina's Agro-extractive Turn // *Geoforum*. Vol. 141. P. 103717.
- Streule M.* (2023). Urban extractivism. Contesting megaprojects in Mexico City, rethinking urban values // *Urban Geography*. Vol. 44. № 1. P. 262–271.
- Svampa M.* (2019). *Neo-Extractivism in Latin America Socio-Environmental Conflicts, the Territorial Turn, and New Political Narratives*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Szeman I., Wenzel J.* (2021). What do we talk about when we talk about extractivism? // *Textual practice*. Vol. 35. № 3. P. 505–523.
- Teran Mantovani E.* (2016). Las nuevas fronteras de las commodities en Venezuela: extractivismo, crisis histórica y disputas territoriales // *Ciencia Política*. Vol. 11. № 21. P. 251–285.
- Thoyre A.* (2021). Negawatt resource frontiers: Extracting energy efficiency from private spaces // *Environment and Planning E: Nature and Space*. Vol. 4. № 4. P. 1703–1723.
- Tironi Rodo M., Valderrama Barragán M.* (2023). From copper mining to data extractivism? Data worth making at Chile's Data Observatory Foundation // *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 41. № 3. P. 411–432.
- Tornel C.* (2023). Energy justice in the context of green extractivism: Perpetuating ontological and epistemological violence in the Yucatan Peninsula // *Journal of Political Ecology*. Vol. 30. № 1. P. 1–28.
- Tsing A. L.* (2003). Natural Resources and Capitalist Frontiers // *Economic and Political Weekly*. Vol. 38. № 48. P. 5100–5106.
- Turner F. J.* (1920). *The Significance of the Frontier in American History*. New York: Henry Holt and Company.
- Usher M.* (2020). Territory incognita // *Progress in Human Geography*. Vol. 44. № 6. P. 1019–1046.
- Veltmeyer H., Záyago Lao E.* (2020). *Buen Vivir and the Challenges to Capitalism in Latin America*. New York: Routledge.
- Verbrugge B., Geenen S.* (2019). The gold commodity frontier: A fresh perspective on change and diversity in the global gold mining economy // *The Extractive Industries and Society*. Vol. 6. № 2. P. 413–423.
- Voskoboynik D. M., Andreucci D.* (2022). Greening extractivism: Environmental discourses and resource governance in the 'Lithium Triangle' // *Environment and Planning E: Nature and Space*. Vol. 5. № 2. P. 787–809.

Ye J., Ploeg J. D., Shneider S., Shanin T. (2020). The incursions of extractivism: moving from dispersed places to global capitalism // *The Journal of Peasant Studies*. Vol. 47. № 1. P. 155–183.

Not Only Natural Resources: Extractivism as an Organizing Concept

Nikita D. Panfilov

Student, Lomonosov MSU, Faculty of Geography, Department of Human Geography of Foreign Countries
Address: Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991 Russian Federation
E-mail: panfinik@yandex.ru

Ruslan A. Dokhov

Senior Lecturer, HSE University; Junior Researcher, Lomonosov MSU, Faculty of Geography, Department of Human Geography of Foreign Countries
Address: Pokrovsky Blvd. 11, Moscow, 109028 Russian Federation
E-mail: rdokhov@hse.ru

The intensification of human impact on the environment, progressive global inequality and the escalating opposition to the resource logic of the perception of nature led to the formation at the beginning of the 21st century of a discourse surrounding extractivism — a special form of social relations leading to the transformation of development into resource exploitation with the alienation of local actors (communities, people, companies and even states) from the profits generated and exported from the territory where this resource is located. The concept of extractivism has spread beyond its original topic (from natural resources to human talent resources, data, green regulation, and many others) and has been subject to abundant and varied reflection by scholars of different disciplines. The practices described in Latin American material were discovered in other parts of the world, including in hidden forms that mimic environmentally and socially responsible development. The expanded concept of extractivism claims to be another large concept that organizes many processes, reducing postmodern development to the production of resource peripheries that renews and cements existing social cleavages not only on former colonial outskirts, but also in long-developed cores of countries of developed capitalism. The imagined emptiness of new resource hinterlands has become a new mechanism for excluding growing vulnerable groups from the distribution of profits produced in global value chains.

Keywords: extractivism, dependence, spatial scale, post-colonialism, resources, materiality

References

- Agnew J. A. (1987) *Place and Politics: The Geographical Mediation of State and Society*, London: Allen and Unwin
- Agnew J. A. (2011) Space and place. *Handbook of geographical knowledge*, pp. 316–331.
- Andrade D. (2022) Neoliberal extractivism: Brazil in the twenty-first century. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 49, no 4, pp. 793–816.
- Andreucci D., Radhuber I. M. (2017) Limits to “counter-neoliberal” reform: Mining expansion and the marginalisation of post-extractivist forces in Evo Morales’s Bolivia. *Geoforum*, vol. 84, pp. 280–291.

- Antonova I. F. (1987) Tipologicheskie cherty jekonomicheskoy geografii stran peresel- encheskogo kapitalizma [Typological features of the economic geography of settler colonial capitalist countries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, no 3, pp. 47–52.
- Artiga-Purcell J. A. (2022) Hydrosocial extractive territories: Gold, sugarcane and con- tested water politics in El Salvador. *Geoforum*, vol. 131, pp. 93–104.
- Ayelazuno J. A. (2014) The ‘new extractivism’ in Ghana: A critical review of its develop- ment prospects. *The Extractive Industries and Society*, vol. 1, no 2, pp. 292–302.
- Barney K. (2009) Laos and the making of a ‘relational’ resource frontier. *Geographical Journal*, vol. 175, no 2, pp. 146–159.
- Barrington-Leigh P. (2017) *The Role of Subjective Well-Being as an Organizing Concept for Community Indicators* (eds. M. Holden, R. Phillips, P. Stevens), New York, NY: Springer International Publishing, pp. 19–34.
- Bennett M. M. (2016) Discursive, material, vertical, and extensive dimensions of post- Cold War Arctic resource extraction. *Polar Geography*, vol. 39, no 4, pp. 258–273.
- Bennett T., Joyce P. (Eds.). (2013) *Material powers: Cultural studies, history and the mate- rial turn*, Routledge.
- Bernauer W., Roth R. (2021) Protected areas and extractive hegemony: A case study of marine protected areas in the Qikiqtani (Baffin Island) region of Nunavut, Canada. *Geoforum*, vol. 120, pp. 208–217.
- Bisht A. (2021) Conceptualizing sand extractivism: Deconstructing an emerging resource frontier. *The Extractive Industries and Society*, vol. 8, no 2, pp. 100904.
- Bledsoe A. (2019) Afro-Brazilian Resistance to Extractivism in the Bay of Aratu. *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 109, no 2, pp. 492–501.
- Brand U., Boos T., Brad A. (2017) Degrowth and post-extractivism: two debates with sug- gestions for the inclusive development framework. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, vol. 24, pp. 36–41.
- Brand U., Görg C., Wissen M. (2020) Overcoming neoliberal globalization: social-eco- logical transformation from a Polanyian perspective and beyond. *Globalizations*, vol. 17, no 1, pp. 161–176.
- Bresnihan P., Brodie P. (2021) New extractive frontiers in Ireland and the moebius strip of wind/data. *Environment and Planning E: Nature and Space*, vol. 4, no 4, pp. 1645–1664.
- Breyer B., Zipper S. C., Qiu J. (2018) Sociohydrological Impacts of Water Conservation Under Anthropogenic Drought in Austin, TX (USA). *Water Resources Research*, vol. 54, no 4, pp. 3062–3080.
- Bruna N. (2022) A climate-smart world and the rise of Green Extractivism. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 49, no 4, pp. 839–864.
- Bruna N. (2023) *The Rise of Green Extractivism: Extractivism, Rural Livelihoods and Accu- mulation in a Climate-Smart World*, New York: Routledge.
- Chagnon C. W., Durante F., Gills B. K., Hagolani-Albov S. E., Hokkanen S., Kangasluoma S. M. J., Konttinen H., Kröger M., LaFleur W., Ollinaho O., Vuola M. P. S. (2022) From

- extractivism to global extractivism: the evolution of an organizing concept. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 49, no 4, pp. 760–792.
- Cantor A. (2021) Hydrosocial hinterlands: An urban political ecology of Southern California's hydrosocial territory. *Environment and Planning E: Nature and Space*, vol. 4, no 2, pp. 451–474.
- Castells M. (1999) Grassrooting the space of flows. *Urban Geography*, vol. 20, no 4, pp. 294–302.
- Couldry N., Ali Me U. (2019) *The Costs of Connection: How Data Is Colonizing Human Life and Appropriating it for Capitalism*. Culture and Economic Life, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Cronon W. (1995) *The Trouble with Wilderness; or, Getting Back to the Wrong Nature*, New York: W.W. Norton.
- DeLanda M. (2006) *A new philosophy of society: Assemblage theory and social complexity*, London & New York: Continuum.
- Dong Z., Shen H., Zhang W., Wu R., Wang S. (2022) How does resource dependence relate cities' technology diversification? The role of density and complexity. *Cities*, vol. 130, pp. 103883.
- Donoghoe M. (2023) Intimate extraction: Geological matter, extractive afterlives, and the denial of a Black sense of place in Southern Louisiana. *Area*, vol. 55, no 4, pp. 465–472.
- Dunlap A., Jakobsen J. (2020) *The Violent Technologies of Extraction*, Cham: Springer International Publishing.
- Dunlap A., Riquito M. (2023) Social warfare for lithium extraction? Open-pit lithium mining, counterinsurgency tactics and enforcing green extractivism in northern Portugal. *Energy Research & Social Science*, vol. 95, pp. 102912.
- Durante F., Kröger M., LaFleur W. (2021) Extraction and extractivisms. *Our extractive age: expressions of violence and resistance*. (eds. J. Shapiro, J.-A. McNeish), New York, NY: Routledge, pp. 19–30.
- Ehrnström-Fuentes M., Kröger M. (2018) Birthing extractivism: The role of the state in forestry politics and development in Uruguay. *Journal of Rural Studies*, vol. 57, pp. 197–208.
- Eilenberg M. (2014) Frontier constellations: agrarian expansion and sovereignty on the Indonesian-Malaysian border. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 41, no 2, pp. 157–182.
- Elden S. (2010) Land, terrain, territory. *Progress in Human Geography*, vol. 34, no 6, pp. 799–817.
- Fash B.C. (2022) Redefining extractivism from Honduras. *Geoforum*, vol. 135, pp. 37–48.
- Franz T., McNelly A. (2023) *The 'Finance-Extraction-Transitions Nexus': Towards A Critical Research Agenda Exploring the Scramble for Transition Minerals*, London: SOAS Department of Economics Working Paper Series; No. 257.
- Frederiksen T., Himley M. (2020) Tactics of dispossession: Access, power, and subjectivity at the extractive frontier. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 45, no 1 pp. 50–64.

- Furlong, K. (2021) Geographies of infrastructure II: Concrete, cloud and layered (in) visibilities. *Progress in Human Geography*, vol. 45, no 1, pp. 190–198.
- Giddens A. (1984) *The constitution of society*, Cambridge, UK: Polity Press.
- Gómez-Barris M. (2017) *The Extractive Zone: Social Ecologies and Decolonial Perspectives*, Durham, NC: Duke University Press.
- Gudynas E. (2018) Extractivisms. Tendencies and consequences. *Reframing Latin American Development* (eds. R. Munck, R. Delgado Wise), New York, NY: Routledge, pp. 61–76.
- Gustafsson M.-T., Scurrah M. (2019) Unpacking the extractivist state: The role of weak state agencies in promoting institutional change in Peru. *The Extractive Industries and Society*, vol. 6, no 1, pp. 206–214.
- Harvey D. (1989) *The condition of postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*, Cambridge, MA & Oxford, UK: Blackwell
- Harvey D. (2005) *The New Imperialism*, Oxford, UK: Oxford University Press.
- Hernandez D. S., Newell P. (2022) Oro blanco: assembling extractivism in the lithium triangle. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 49, no 5, pp. 945–968.
- Holz Y. R. (2023) Threatened sustainability: extractivist tendencies in the forest-based bioeconomy in Finland. *Sustainability Science*, vol. 18, pp. 649–659.
- Hougaard I.-M., Vélez-Torres I. (2020) Shifting sands: Legal dispossession of small-scale miners in an extractivist era. *Geoforum*, vol. 115, pp. 81–89.
- Johnson A., Zalik A., Sharlene M., Sultana F, Havice E., Osborne T., Valdivia G., Lu F, Billo E. (2021) Extraction, entanglements, and (im)materialities: Reflections on the methods and methodologies of natural resource industries fieldwork. *Environment and Planning E: Nature and Space*, vol. 4, no 2, pp. 383–428.
- Kaganskii V. L. (2013) Inner periphery is a new growing zone of Russia's cultural landscape. *Regional Research of Russia*, vol. 3, no 1, 21–31.
- Kay P. (2022) *Contemporary dynamics of agrarian change* (eds. H. Veltmeyer, P. Bowles), New York, NY: Routledge.
- Keighren I. M., Abrahamsson C., Della Dora V. (2012) On canonical geographies. *Dialogues in Human Geography*, vol. 2, no 3, pp. 296–312.
- Keith M., Birch E., Buchould N. J. A., Cardama M., Cobbett W., Cohen M., Elmquist T., Espey J., Hajer M., Hartmann G. (2022) A new urban narrative for sustainable development. *Nature Sustainability*, vol. 6, no 2, pp. 115–117.
- Kelly A. B., Peluso N. L. (2015) Frontiers of Commodification: State Lands and Their Formalization. *Society & Natural Resources*, vol. 28, no 5, pp. 473–495.
- Knuth S. (2016) Seeing Green in San Francisco: City as Resource Frontier. *Antipode*, vol. 48, no 3, pp. 626–644.
- Koch N., Perreault T. (2019) Resource nationalism. *Progress in Human Geography*, vol. 43, no 4, pp. 611–631.
- Kröger M., Nygren A. (2020) Shifting frontier dynamics in Latin America. *Journal of Agrarian Change*, vol. 20, no 3, pp. 364–386.
- Kröger M. (2020) *Iron Will: Global Extractivism and Mining Resistance in Brazil and India*, Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

- Kröger M. (2022) *Extractivisms, existences and extinctions: Monoculture plantations and Amazon deforestation*, London: Routledge.
- Laastad S. G. (2022) Mapping terrains of struggle: State space and the spatiality of oil mobilisation in Ecuador and Peru. *Geoforum*, vol. 137, pp. 12–21.
- Laing A. F. (2020) Re-producing territory: Between resource nationalism and indigenous self-determination in Bolivia. *Geoforum*, vol. 108, pp. 28–38.
- Lally N., Kay K., Thatcher J. (2022) Computational parasites and hydropower: A political ecology of Bitcoin mining on the Columbia River. *Environment and Planning E: Nature and Space*, vol. 5, no 1, pp. 18–38.
- Luke T. W. (2019) Las Vegas as the Anthropocene: The Neoliberal City as Desertification All the Way Down. *The Challenge of Progress: Volume 36* (ed. Dahms H. F.), United Kingdom: Emerald Publishing Limited, pp. 159–178.
- Malone A., Smith N. M., Zeballos E. (2021) Coexistence and conflict between artisanal mining, fishing, and farming in a Peruvian boomtown. *Geoforum*, vol. 120, pp. 142–154.
- Mármol C., Vaccaro I. (2020) New extractivism in European rural areas: How twentieth first century mining returned to disturb the rural transition. *Geoforum*, vol. 116, pp. 42–49.
- McKay B. M., Alonso-Fradejas A., Ezquerro-Cañete A. (eds.) (2021) *Agrarian Extractivism in Latin America*, New York, NY: Routledge.
- McKay B. M. (2020) Food sovereignty and neo-extractivism: limits and possibilities of an alternative development model. *Globalizations*, vol. 17, no 8, pp. 1386–1404.
- McNeill D. (2015) Global firms and smart technologies: IBM and the reduction of cities. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 40, no 4, pp. 562–574.
- McNeill D. (2022) Urban geography II: Materially important cities. *Progress in Human Geography*, vol. 46, no 5, pp. 1261–1268.
- Mejia-Muñoz S., Babidge S. (2023) Lithium extractivism: perpetuating historical asymmetries in the ‘Green economy’. *Third World Quarterly*, vol. 44, no 6, pp. 1119–1136.
- Merino R. (2020) The cynical state: forging extractivism, neoliberalism and development in governmental spaces. *Third World Quarterly*, vol. 41, no 1, pp. 58–76.
- Mezzadra S., Neilson B. (2017) On the multiple frontiers of extraction: excavating contemporary capitalism. *Cultural Studies*, vol. 31, no 2–3, pp. 185–204.
- Moore J. W. (2015) *Capitalism in the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital*, London, UK: Verso.
- Moore S. A. (2020) Individuation through infrastructure: data extraction and the academic publishing oligopoly. *Journal of Documentation*, vol. 77, no 1, pp. 129–141.
- Murrey A., Mollett S. (2023) Extraction is not a metaphor: Decolonial and Black Geographies against the gendered and embodied violence of extractive logics. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 48, no 4, pp. 761–780.
- Myadar O., Jackson S. (2019) Contradictions of Populism and Resource Extraction: Examining the Intersection of Resource Nationalism and Accumulation by Dispossession in Mongolia. *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 109, no 2, pp. 361–370.

- Nixon R. (2011) *Slow Violence and the Environmentalism of the Poor*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Noroña M. B. (2022) Extractive governmentality, ethnic territories, and racial imaginaries in the northern Amazon of Ecuador. *Geoforum*, vol. 128, pp. 46–56.
- Nygren A., Kröger M., Gills B. (2022) Global extractivisms and transformative alternatives. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 49, no 4, pp. 734–759.
- Ollinaho O. I., Kröger M. (2021) Agroforestry transitions: The good, the bad and the ugly. *Journal of Rural Studies*, vol. 82, pp. 210–221.
- Parks J. (2021) The poetics of extractivism and the politics of visibility. *Textual Practice*, vol. 35, no 3, pp. 353–362.
- Ratzel F. (1898) Studies in Political Areas. III. The Small Political Area (translated by E. C. Semple. *American Journal of Sociology*, vol. 4, no 3, pp. 366–379.
- Ricaurte P. (2019) Data Epistemologies, The Coloniality of Power, and Resistance. *Television & New Media*, vol. 20, no 4, pp. 350–365.
- Riofrancos T. (2020) *Resource radicals: from Petro-Nationalism to Post-Extractivisms in Ecuador*, Durham: Duke University Press.
- Rodoman B. B. (1976) Deformacija rastushih monocentricheskikh arealov [Deformation of growing monocentric areas]. *Teoreticheskie problemy geografii* [Theoretical problems of geography], Riga: LGU, pp. 78–89.
- Sadowski J. (2019) When data is capital: Datafication, accumulation, and extraction. *Big Data & Society*, vol. 6, no 1, pp. 205395171882054.
- Sadowski J. (2020) The Internet of Landlords: Digital Platforms and New Mechanisms of Rentier Capitalism. *Antipode*, vol. 52, no 2, pp. 562–580.
- Sassen S. (2001) *The Global City*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Semple E. C. (1911) *Influences of Geographic Environment, on the Basis of Ratzel's System of Anthropogeography*, New York: Henry Holt.
- Sholz T. (2016) *Platform cooperativism: challenging the corporate sharing economy*, New York: Rosa Luxemburg Stiftung, New York Office.
- Smirnyagin L. V. (2019). *Tipologija zarubezhnyh stran* [Typology of foreign countries], Moscow: Pelikan.
- Smith G. M. (2023) Blighted Futures: The Soybean Assemblage and Argentina's Agro-extractive Turn. *Geoforum*, vol. 141, pp. 103717.
- Streule M. (2023) Urban extractivism. Contesting megaprojects in Mexico City, rethinking urban values. *Urban Geography*, vol. 44, no 1, pp. 262–271.
- Svampa M. (2019) *Neo-Extractivism & Latin America Socio-Environmental Conflicts, the Territorial Turn, and New Political Narratives*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Szeman I., Wenzel J. (2021) What do we talk about when we talk about extractivism? *Textual practice*, vol. 35, no 3, p. 505–523.
- Teran Mantovani E. (2016) Las nuevas fronteras de las commodities en Venezuela: extractivismo, crisis histórica y disputas territoriales. *Ciencia Política*, vol. 11, no 21, pp. 251–285.

- Thoyre A. (2021) Negawatt resource frontiers: Extracting energy efficiency from private spaces. *Environment and Planning E: Nature and Space*, vol. 4, no 4, pp. 1703–1723.
- Tironi Rodo M., Valderrama Barragán M. (2023) From copper mining to data extractivism? Data worth making at Chile's Data Observatory Foundation. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 41, no 3, pp. 411–432.
- Tornel C. (2023) Energy justice in the context of green extractivism: Perpetuating ontological and epistemological violence in the Yucatan Peninsula. *Journal of Political Ecology*, vol. 30, no 1, pp. 1–28.
- Tsing A. L. (2003) Natural Resources and Capitalist Frontiers. *Economic and Political Weekly*, vol. 38, no 48, pp. 5100–5106.
- Turner F. J. (1920) *The Significance of the Frontier in American History*, New York: Henry Holt and Company.
- Usher M. (2020) Territory incognita. *Progress in Human Geography*, vol. 44, no 6, pp. 1019–1046.
- Veltmeyer H., Záyago Lao E. (2020) *Buen Vivir and the Challenges to Capitalism in Latin America*, New York: Routledge.
- Verbrugge B., Geenen S. (2019) The gold commodity frontier: A fresh perspective on change and diversity in the global gold mining economy. *The Extractive Industries and Society*, vol. 6, no 2, pp. 413–423.
- Voskoboynik D. M., Andreucci D. (2022) Greening extractivism: Environmental discourses and resource governance in the 'Lithium Triangle'. *Environment and Planning E: Nature and Space*, vol. 5, no 2, pp. 787–809.
- Ye J., Ploeg J. D., Shneider S., Shanin T. (2020) The incursions of extractivism: moving from dispersed places to global capitalism. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 47, no 1, pp. 155–183.
- Zamyatina N. Yu. (1998) Zona osvoenija (frontir) i ee obraz v amerikanskoj i russkoj kul'turah [Settlement zone (frontier) and its image in American and Russian cultures]. *Social Sciences and Contemporary World*, no 5, pp. 75–89.